

7.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ И ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК: ПРИНЦИП РИТУАЛЬНОЙ АНФИЛАДЫ

Инна Веселова

Современная школа вписывает ребенка в социокультурное пространство бюрократического государства. В таком типе государства в отличие от династического королевства действует, по мнению Пьера Бурдьё, особая стратегия социальной динамики — система службы и подготавливающая к ней система образования. «Процесс “дефеодализации” государства сопровождается развитием специфического способа воспроизводства, придающим большое значение школьному образованию. <...> Университеты в Европе появляются в XII веке, но развиваться начинают в XIV веке под натиском правителей. Университеты стали играть существенную роль в формировании служителей государства: и светских, и религиозных. <...> Начался процесс обучения, значительно ускорившийся с основанием

¹ Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля //S/L^2001. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб, 2001. С. 166.

городских школ и изобретением типографий в XV—XVI веках»¹. Образовательные институты, и прежде всего школа, играют в бюрократическом государстве роль социального лифта, обеспечивающего перемещение с низких социальных позиций на более престижные.

Нормы, правила, ценности и хронотоп школы обладают мощным суггестивным потенциалом. В частности, школа занимается производством времени: делит его на сегменты, организует в циклы, назначает начала и концы целых периодов жизни.

В России, где официально начало нового года отмечается по григорианскому календарю 1 января, начало церковного индикта приходится на 1 сентября (по юлианскому календарю, так называемому старому стилю). На этот день — в соответствии с византийской традицией — приходилось начало года в средневековой Руси. Летосчисление от сотворения мира, как и срок начала года, были отменены Петром I в 1699 году: с 1700 года Россия ведет счет времени от Рождества Христова и начинает год с 1 января. «Средневековое» новолетие сохранилось в православном церковном календаре, оно же принято и для школьного учебного года (правда, по новому стилю — в григорианском календаре). Заканчивается учебный год в промежутке между 25 и 30 мая. Таким образом, современная Церковь, а также школа, театры, телевидение ориентируются на средневековое/аграрное сегментирование года, где конец сельскохозяйственных работ отмечал начало нового цикла.

Становление школьного хронотопа шло постепенно в течение нескольких столетий. Не существовало общепринятой даты старта школьного

70 Богданов-Бельский Н.П.
У дверей школы. Открытое
письмо. Госиздат. М., без г. изд.

Богданов-Бельский
„У дверей школы“
Русский Музей

Bogdanoff-Belsky
„Devant la porte de l'école“
Musée Russe

70

обучения. Только в XIX веке отдельными указами начало учебы приурочивалось к 1 сентября в церковно-приходских и земских школах. В 1870-е годы временные пределы школьного года постепенно становились едиными: стали выпускаться стандартные печатные календари для школьных учителей. Однако в сельских школах этот порядок практически не соблюдался: дети крестьянского сословия начинали учиться в зависимости от возраста, климата местности и погодных условий конкретного года. Чем старше были дети, тем большего участия в промыслах и сельхозработах ждали от них родители². Даже в эпоху формирования советской школы деревенские дети могли задержаться с началом учебы по причине помощи отцу на единоличной полосе или из-за отсутствия достойных штанов.

² О соотношении крестьянского календаря и школьного хронотопа в реальной практике начала учебы в карельских школах конца XIX века см.: *Ильяха О.* Карельский Филипок: региональные особенности социокультурного облика сельского школьника конца XIX—начала XX в. // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 256.

³ *Доминичев В.С.* Воспоминания. Вашкинский р-н Вологодской обл.. // Музей биографий. Русская провинция. XX век. CD / Под ред. С.Б. Адоньевой, И.С. Веселовой, М.В. Пономаревой. СПб, 2002. Орфография рукописи.

⁴ *Вербловская И.* Мой прекрасный страшный век. СПб, 2011. С. 24.

Было уже 3 сентября 1933 года. С единоличной малой полосы под Косовалом весь урожай ячменя отец сложил, и я укладывал снопы умостились на один воз с креслем, отец и говорит, сейгод, Васька за рожью верно на свои полосы не бывать сколько с приусадебного участка не ахти там намолотится, сусека в клетке незавалишь, навстречу, за малиной в нивы после школы попались мои будущие первоклассники нам с отцем.

Дядя Степа, а что Васька в школу сейгод не пойдет?

— Нет пойду, — ответил я, — только мне Настя Марковская еще недошила штанов из маминой черной юбки,

а в этих однозубных в заплатках в каштановой краске не пойду. 4 сентября 1933 года, в штанах из маминной юбки, в холщевое рубашке кубовой окраски с букварем, на против почти через дорогу от своей избы шагнул за порог в первый класс³.

Городские гимназии и реальные училища были вольны назначать собственные даты начала учебы (от начала августа до конца сентября). Для городских родителей, не работающих на земле и не ожидающих от детей обязательной помощи в сезонных работах, время начало учебы не было обусловлено аграрными и промысловыми циклами.

Советский социальный проект всеобщей грамотности был обращен к широкому массам населения, и в первую очередь «угнетенным» при прежнем порядке сословиям. Школы (от греч. σχολή — досуг, в дореволюционной России они были воскресными, приходскими, земскими, в основном для представителей крестьянства, рабочих), а не гимназия (от греч. γυμνάσιον, gymnasium — помещение для гимнастических упражнений, специальное место для физического, а потом и общего образования) стали основной моделью образовательного института. В наследство от образовательных институтов для низших сословий советской трудовой школе досталось аграрное летосчисление. Осуществление масштабного проекта ликвидации безграмотности и обеспечения обязательного начального образования для взрослых и всех детей школьного возраста (в 1930 году в СССР был введен принцип всеобщего обязательного бесплатного образования) стало возможным при строгом государственном контроле и стандартизации обучения. Такого рода контроль сказался на унификации даты начала учебного года. Школьники в советских школах, особенно в городах, к концу тридцатых годов начинали учебу в один день — 1 сентября.

Первого сентября 1940 года я пошла в первый класс Первой образцовой школы Петроградского района, которую вскоре переименовали в 67-ю⁴.

При сравнении номенклатур детских советских праздников 1920-х (эпохи, названной В. Паперным КУЛЬТУРА1) и 1930-х (КУЛЬТУРА2) А.Б. Асташов заметил, что начало и конец учебного года стали отмечаться именно в нормирующей и жесткой КУЛЬТУРЕ2. Календарный цикл до того исключительно революционных праздников (1 Мая, 8 Марта, Дня Октябрьской революции, Дня

- ⁵ Асташов А.Б. Революция в детских праздниках 20–30-х гг. XX в. // Ребенок в истории и культуре. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». М., 2010. Вып. 4. С. 219, С. 249.
- ⁶ Историко-революционный календарь на 1940 г. / Ред. П. Борисенко, И. Кудрявцев, Б. Рубцов. М., 1940. С. 497.
- ⁷ Там же. С. 500.

Парижской коммуны и др.) пополнился «развлекательными и познавательными» датами: Новый год, начало и конец учебного года, литературные и этнографические вечера, научно-технические и физкультурные праздники⁵. «Затвердевание» сталинской ритуалистики тридцатых сказалось на увеличении количества знаменательных дат и фиксированности их в календаре.

В «Историко-революционном календаре на 1940 год» 1 сентября отмечено как Международный юношеский день — «день боевого смотра революционных сил молодых пролетариев и трудящихся всего мира, день совместного выступления молодежи всех стран против империалистической войны, за СССР»⁶. Наделив день международным политическим пафосом, авторы календаря тем не менее открывают образовательно-государственную суть праздника: «Счастливая молодежь Советского Союза празднует Международный юношеский день под знаменем Сталинской конституции, гарантирующей всем трудящимся нашей страны право на труд, на отдых, на образование, дающей нашей молодежи невиданные в истории политические права. Двери культуры и науки широко раскрыты перед молодежью Страны социализма. Свыше 33 млн человек обучаются в СССР в начальной и средней школе и более 600 тыс. — в высшей школе»⁷.

Что касается окончания школьного года, то оно до сих пор остается менее регламентированным, чем начало. Сейчас младшие школьники заканчивают учиться после 25 мая, школьники «среднего и старшего звена» учатся до конца мая, а потом или сдают экзамены, или проходят в школе «практику», чаще всего заключающуюся в уборке/мытье школы.

71 Храмова Г. Первый раз — в первый класс! М., 1988

72

72 Первое сентября. 2-й класс.
Фото И. Веселовой.
1.09.2004 г. Санкт-Петербург.
Из архива И. Веселовой

Летнее время выпадает из школьного лето-счисления, все его пользователи проваливаются в счастливое состояние «день был без числа... времени тоже не было». Например, всем взрослым людям нашей страны требуется творческое усилие, чтобы как-то «провести лето». Все остальные времена года (осень, зима, весна) пройдут сами, а вот с летом нужно что-то делать: «Вот лето приблизилось вплотную. И тут уже надо что-то решать. Потому что отдых — дело серьезное. Лето надо как-то провести. Его нужно ПРОВЕСТИ. Нельзя же остаться просто так в городе, даже если хочется остаться. Но летом — нельзя. По-

73

тому что потом будет мучительно стыдно и больно...»⁸

Для ответственной организации собственной жизни мне остается только лето, и за него я отвечаю по форме традиционнейшего из школьных сочинений «КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО».

Несколько советских и постсоветских поколений живут с календарем, в котором даты начала и конца школьного цикла отмечены «праздниками» — 1 сентября (День знаний) и «Последнего звонка» (который продолжается выпускным балом и общегородским праздником выпускников Санкт-Петербурга «Алые паруса»).

73 Последний звонок.

9-й и 11-й классы. Фото
Н. Чикина. 28.05.2012 г.
Деревня Бычье Мезенского
района Архангельской области.
Из архива Н. Чикина

⁸ Гришковец Е. Лето // Евгений Гришковец и Бигуди. Сейчас (проект «После работы»). CD. 2004.

⁹ Право на бесплатное образование сформулировано в Конституции Российской Федерации следующим образом:

«Глава 2. Права и свободы человека и гражданина
Статья 43

1. Каждый имеет право на образование.
2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.
3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно.
Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования». (Сайт «Конституция Российской Федерации» URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>)

¹⁰ Геннел А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. М., 1999.

¹¹ Поддубный И. Начало школьного пути. // Сайт «1 сентября». URL: http://1sentyabrya.ru/start/Preparation/2011/03/18/Preparation_17154.html

Наши современники в Западной Европе, например, не знают праздников начала и конца учебного года. В США и Европе распространена традиция выпускного бала по окончании школы, но на общегосударственный уровень это мероприятие не претендует.

Образовательные циклы советской и российской образовательной системы, кажется, намертво привязаны к этим точкам. Ежегодный школьный сезон стартует и заканчивается ими. Начало и окончание работы детских садов, внешкольных образовательных и культурных центров, университетов и институтов приурочены к этим датам так, что образовательные ступени стыкуются друг с другом без швов. Большой школьный цикл от начала учебы до выпуска встроены в эти даты, внутри него образуются малые циклы — выпускной из младшей школы, начало и окончание средней.

В среднем каждый гражданин Российской Федерации в силу своего права и обязанности бесплатно обучаться⁹ проводит в формате школьного календаря около 15—20 лет детства — отрочества — юности. Этот формат имеет столь сильное суггестивное значение, что отменить заданную им циклизацию жизни во взрослом возрасте уже невозможно. Организация недели

у взрослых россиян визуально подчинена схеме школьного дневника, где воскресенье невидимо так же, как лето в годовом масштабе.

Череда начал и окончаний в своей повторяемости имеет ритуальный смысл создания общего для участников ритуала времени и социального пространства. Этим ритуалам свойственна парность, что принципиально отличает их от переходных обрядов доиндустриальных обществ, описанных Арнольдом ван Геннепом¹⁰. Как известно, обряды перехода не имеют обратной силы. Их структура состоит в том, чтобы в ходе первой фазы — обрядов отделения — лишить пациента предыдущего статуса, «умертвить» его в прежнем состоянии. Так невеста в русском свадебном обряде лишается имени и становится «невесть кем», навсегда распрощавшись в причитаниях с девичьим статусом и образом жизни, а также со своей родной семьей. Так постригаемый в монашество отвергает старое имя и сословие. После лиминальной, пограничной, стадии традиционный переходный ритуал создает нового человека, давая ему новое имя, новые права, способности и обязанности. Произошедшие в ходе обряда изменения необратимы. Парность современных обрядов начала и конца школьного года и протяженность оформляемого периода обнаруживают иную структуру этих ритуалов. Их скорее можно назвать «обрядами входа — выхода».

Как же объяснить это почти незаметное на первый взгляд отличие?

Чтобы понять смысл школьных ритуалов, попробуем разобраться в том, какие нормы и ценности утверждают современные праздники «День знаний» и «Последний звонок». Сайт «1 сентября», посвященный подготовке детей к школе, открывается пророческой статьей некоего Ивана Поддубного «Начало школьного пути», адресованной родителям: «Сам факт появления школы удовлетворяет социальные потребности. Обучаются определенные группы для выполнения особых ролей в обществе. Такие, например, как военные, монахи и так далее. Школа как бы отрывает детей от норм их семьи и их родителей с тем, чтобы дети передавали другие нормы»¹¹.

Автор статьи уверен, что путешествовать по школьному пути будут не только дети, но и родители. Причем вступление на этот путь приводит к отрыву детей от семьи. То есть дети и родители пойдут по общему пути, но оторвавшись друг от друга? Что за сила будет двигать ими и одновременно отрывать друг от друга?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, я думаю, стоит обратиться к детскому и родительскому эмоциональному и социальному опыту современных

россиян, а также проанализировать символические жесты, слова и объекты, производимые в ходе интересующих нас ритуалов. Материалом для этого исследования послужили видеозаписи праздника 1 сентября и «Последнего звонка», а также сценарии этих праздников, выложенные в свободном доступе в Интернете, собственные наблюдения и серия интервью.

1 СЕНТЯБРЯ

Первое сентября каждого года, если только этот день не приходится на воскресенье, около 8–9 часов утра на час-полтора улицы российских городов и сел пустеют, почти так же, как это бывает утром 1 января. Жизнь большей части населения страны сосредоточивается на линейках, проводимых на школьных дворах или в актовых залах. Дворы и залы украшены шарами и транспарантами, звучит громкая музыка.

Участники праздника образуют каре. Первый ярус каре — дети и учителя, второй — родители. Середину каре или одну из сторон занимает «трибуна» — сцена, школьное крыльцо. На ней располагаются ведущие: дети (школьные активисты), завучи, директор, а также почетные гости (представители власти, ученые, выпускники).

Если дети и учителя — непосредственные участники образовательного процесса, то присутствие родителей, казалось бы, не является обязательным. Однако родители непременно сопровождают детей в школу 1 сентября и присутствуют на праздничных линейках как минимум до окончания младшей школы. В первый поход в школу ребенка провожает целый кортеж родственников — мама, бабушка, папа, дедушка (действующие лица названы по порядку убывания обязательности их присутствия на праздничной линейке). На маму ложится весь груз забот по сбору ребенка в школу, поэтому магазины и торговые центры городов переполнены накануне 1 сентября так же, как в предновогодний сезон. Трафик больших городов перегружен из-за необходимости раздобыть ученику все необходимое: от мебели и учебников до сумки для сменной обуви. Недостаток хотя бы одного предмета из списка воспринимается драматически и собирающим и собираемым: как будто наполненность портфеля свидетельствует об исполнении долга. Собственно, весь антураж — костюм, оплата ремонта школьного класса и покупки школьной мебели оказывается финансовым обязательством родителей. Юридически их никто не может принудить к этим тратам, но ценой социального промаха назначено «будущее» детей. Видимо, ради него — «свет-

лого будущего» — родители организуют «ярмарку тщеславия». Так, в Интернете выложены для общего доступа фотографии девочки, прошедшей обряд «входа» в школу в 2011 году. Комментарии родителей начинаются с крика души: «Наше счастье, что у других родителей не померли флешки в фотиках))). Спасибиге другим родителям, что разместили фотки наших первоклашек на просторах рунета))»¹². Комментарии к фотографиям приоткрывают детали общепринятого сценария сборов. В процессе подготовки дочки к походу в школу матери матерей контролируют приличествующий этому особому случаю размер бантов и состав букета:

а банты я хотела поменьше, но мама пристала — нужны, говорит, первоклашке БОЛЬШИЕ банты! маме хотелось, чтоб всё было «как надо») она и гладиолусы хотела Варе в букет. ничего не имею против гладиолусов, но не в этот раз :D

Родительское «счастье» напрямую связано с демонстрацией своей родительской успешности в деле сбора первоклассницы в школу. Но на той же странице в livejournal мама делится эмоциональным переживанием, которое не входит в праздничный сценарий. Она признается, что чувство отрыва ребенка от нее она пережила на следующий день: «в общем, волновались больше мы, причём меня накрыло только 2 сентября, когда я отвела её именно уже учиться и стояла, смотрела, как они за руку с новой подружкой заходят в школу... такие маленькие, с портфелями этими... это жуть, мать, словами не передать! но я сдержалась, рыдать

¹² Ссылку на записи в livejournal я решила не публиковать, хотя эта страница — открытая.

не стала :D». Позволю себе привести очень яркие и эмоционально острые воспоминания мамы одного из моих студентов филфака СПбГУ¹³:

1 сентября 2000 года

Этот день был одним из самых волнительных связанных с моим сыном, наряду с его рождением и поступлением в СПбГУ. Когда Саша пошел в детский сад, я не очень тревожилась, так как работала воспитателем в том же учреждении, то есть была рядом.

А 1 сентября помню очень ясно и ярко, особенно некоторые эпизоды. Во-первых, нас предупредили, что детей заберет учитель, а родителей не будут пускать в фойе, чтобы помочь переодеться. А у Саши не получалось самостоятельно завязывать шнурки. Его научил дедушка за день до 1 сентября, и я ужасно переживала по этому поводу.

Во-вторых, была большая тревога за сына: боялась, что он потеряется или заблудится. Так и вышло. Один из 11-классников, которые по традиции вели первоклашек за руку в класс, перепутал кабинеты и отвел моего сына в 1б вместо 1а. Поэтому 1 сентября был со слезами на глазах: плакали сын, я и дождь.

Несмотря на то что нам сразу понравилась учительница и школа была рядом, все здесь было чужое, и я впервые почувствовала, что у меня забирают сына.

¹³ Пользуясь случаем, приношу самую искреннюю благодарность моим собеседникам и корреспондентам, анонимным и знакомым, за готовность помочь и поделиться своими воспоминаниями, эмоциями, фотографиями и другими артефактами семейных архивов.

74

Конечно, я испытывала не только тревогу, но и гордость, радость, так как мой сын повзрослел и шагнул на новую ступеньку своей жизни. Мне хотелось рассказать всем родным, знакомым и всему миру, что мой сын пошел в 1-й класс.

Итак, отрыв детей от родителей — один из элементов совершающегося ритуала. Причем отрыв этот в сценарии праздника, написанном педагогами, представляется ненасильственным и добровольным. Дети со школьной сцены декламируют розданные учителями стихи об отказе от родительской опеки:

74 Первое сентября.

Старшеклассник ведет
первоклассников в класс
(описанный рядом случай,
когда старшеклассник отвел
малышей не в тот класс).
Архив И.С. Веселовой.
1.09.2000. Санкт-Петербург

¹⁴ Детский портал «Солнышко». URL: http://www.solnet.ee/holidays/s6_45.html

¹⁵ Калинина Е.А. «Обучать сына своего гражданской грамоте не желаю...» (Крестьянство и школа в I половине XIX в.) // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI науч. конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 63.

Наш первый самый-самый
Звени, звени, звонок!
Домой идите, мамы!
Пора нам на урок!¹⁴

Получается, что, с одной стороны, родители включены в школьную систему, с их помощью она действует, с другой — они добровольно лишаются полномочия. Взаимодействие школьной (государственной, бюрократической) и родительской власти в праздничном сценарии лишено напряженности. Но является ли оно бесконфликтным на самом деле?

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Известно, что родители XVIII—XIX веков не спешили отправлять детей учиться. Оставив в стороне историю дворянских недорослей, обратим внимание на более близкую во временном масштабе и более широкую в социальном — историю «школизации» крестьянства. Еще в начале XIX века крестьяне активно сопротивлялись предложениям отправить их детей в школу. Е.А. Калинина описывает историю организации обучения крестьянских детей для исполнения должности чиновников низшего уровня (волостных писарей и других делопроизводителей)¹⁵. Департамент государственных имуществ рационально решил готовить мелких сельских чиновников из среды самих же крестьян. Для этого была предпринята попытка обучать крестьянских детей в уездных городах, а плату за обучение при этом включить в земские повинности государственных крестьян (обучать предполагалось мальчиков, об обучении девочек речь не шла). Крестьяне категорически отказались отправлять

75 Богданов-Бельский Н.П.
Сочинение. Открытое письмо.
Л., без г. изд.

75

76 Маковский В.Е. В сельской школе. 1883. М.

77 Богданов-Бельский Н.П. Устный счет. 1895. М.

¹⁶ Калинина Е.А. «Обучать сына своего гражданской грамоте не желаю...» (Крестьянство и школа в I половине XIX в.) // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI науч. конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 63.

детей в школу. Чиновники в свою очередь пошли на компромисс, и крестьянам было предложено отдать в обучение сирот, но крестьяне единогласно на сходах постановили: «...известного рода сирот между нами не имеется, а детей своих в означенную науку отдавать никто не согласен»¹⁶. Исследовательница отмечает, что на «пробуждение в народе тяги к знанию» у правительства ушло около столетия.

В традиционной аграрной социальной системе образование не было ни ценностью, ни инструментом для ее стяжания. Крестьяне полагали, что дети являются их неотделимым ресурсом и обязаны помогать родителям в трудах. Никакой обязанности предоставлять детей для их «огосударствления» в школу родители не ощущали. Власть родителей над ребенком/детьми

77

в семье была абсолютной и тотальной, признаваемой всеми другими социальными институтами. Так, православная церковь после никонианской реформы не использовала прием отлучения ребенка от родителей, исповедующих «старую веру» («отлучение» детей от родителей и отказ родственников друг от друга — массовая советская практика).

Пробудившаяся к концу XIX века «тяга к знанию» смирила родителей со школьным обучением детей, но на отлучение детей от власти родителей ушло значительное время. При отправке в школу крестьянские мать или бабушка проделывали магические процедуры, должны были обеспечить благополучное возвращение ребенка под родительский кров. «В карельской семье ребенка провожали в школу, как и вообще за пределы дома, с молитвой, благословением. В Южной Карелии известен и языческий обряд, применявшийся при отправке ребенка в школу. Мать, бабушка или кто-то другой из старших женщин становилась на порог — границу «своего» и «чужого» мира, а ребенок должен был проползти между ее ног. При этом женщина произносила слова: «Как мой стыд нельзя сглазить, так и моего ребенка пусть никто не сглазит». Этот обряд относится к числу переходных, то есть связанных с изменением статуса, сменой пространства, среды обитания, а также выполняет функцию оберега. Девочка-подросток, впервые отправляющаяся погостить в другую деревню, или мальчик, уходящий на охоту, также проходили этот обряд»¹⁷.

В описаниях отправки и благословения крестьянских детей в школу в волостной или уездный/районный центр, относящихся к началу 20-х — 50-м годам XX века, центральной является тема

¹⁷ *Ильюха О. Карельский Филипок: региональные особенности социокультурного облика сельского школьника конца XIX – начала XX в. С. 257.*

дистанционной родительской ответственности за ребенка. Власть, она же ответственность, была эксплицирована (проявляла себя) в магических действиях старших женщин: зашивании в одежду оберега с духовным стихом «Сон Богородицы», а также вверению ребенка «доброходушке» (духу-защитнику) или ангелу-хранителю. Такого рода власть не теряла своей силы и в школьном здании.

В этом смысле отправка чада в школу походила на отправку в лес (на охоту, на сбор грибов или ягод) или на пастбище и отличалась от проводов новобранца на военную службу. В последнем случае крестьянская мать причитала по рекруту как по покойному. Фольклорное причитание — жанр, который призван оформить обряд перехода. Причитание отделяет оплакиваемого (рекрута, невесту, покойного) от его прежнего состояния и от его социального окружения — семьи. Ритуалы отправки ребенка на обучение не разрывали властной вертикали ребенок — родители, а создавали своеобразный анклав опеки.

На формирование родительского страха перед институтом школы у советского государства ушло некоторое время. Наверное, знаковым жестом утрашения стало распространение такого типа наказания, как «вызов родителей в школу», при котором наказание распространялось и на родителей: те испытывали страх опоздания на работу (и последующих жестоких кар), партсобрания с обсуждением их семейных дел (по месту работы или проживания) и выговора. За неприлежного ребенка карался работающий на советское государство родитель.

При нынешнем состоянии государственной системы образования родители боятся школьной системы, подчиняясь усвоенным с детства схемам поведения/внутреннему габитусу. Желание слыть хорошим родителем (чаще — хорошей матерью) — мощный двигатель организации и существования школьной системы.

Однажды всем девочкам в классе моей восьмилетней дочери в «продвинутой» государственной гимназии на лето учительница гимнастики выдала чертежи изготовления палочки для упражнений с лентой. Чертеж предполагал наличие гладкой 30-сантиметровой палочки, в один конец которой нужно было вмонтировать рыболовный карабин, к которому в свою очередь нужно было прикрепить ленту в 6 м

Сон богородицы.

На горе и на камне стояла божья
церковь, стояла и соборная. В этой
божьей церкви спала пресвятая богородица,
спала и окочивала, сколько же времени
она окочивала, снится ей сон страшный и
урасный, кабы жиды жиды Христа распинали,
руки ноги приковали, за первое древо истинно,
за второе кипарисное, за третье катруб
приходящие жиды мироносцы брали носы
Христа на белые руки, понесли его на синее
море, сядились они на белый камень и плакали
о иуде Христе, не плачте жиды мироносцы,
не топите асирова в огороде сам иуде Христос
выстанет, на третий день воскреснет. Идите
все души за много, без опасу, без огляду,
никого не бойтесь, не опасайтесь, кровь на кровь
на силу пайте, застанана в Ядрия, не стали
Ядрия будень напачена не понами, так дякани
не правилонами судяли кто сам беззаконен

(или 8 м — уже не помню) длиной. Никто из моей родни не усомнился в том, что палочку нужно из-готовить. Дедушка провел полдня, собирая предмет, но палочка сломалась на первом же уроке. Учительница построила всех девочек, у которых что-то не заладилось с палочками, и прямодушно сообщила, что их мамы их не любят, раз не могут справиться с таким простым заданием (жен., 1971 г. р., Санкт-Петербург).

Таких примеров педагогического неразличения профессиональной деятельности и вмешательства в личную жизнь семьи у каждого родителя наберется не один десяток. Один из распространенных в Интернете текстов называется «Школа — источник стресса и унижения?»¹⁸. Это откровенный отчет отца, посетившего родительское собрание, организованное по поводу исчезновения классного журнала. Суть эмоционального переживания взрослого человека состояла в том, что он никак не мог собраться с духом и прекратить публичный допрос, происходивший с использованием средств унижения и устрашения родителей и учеников силами педсовета и плавно перераставший в публичную казнь.

И надо бы встать и заорать — но не может. Вот знаете, со стыдом поймал себя на том, что мне страшно. Где-то там, в глубине души, еще живет тот мальчик, которого тридцать лет

¹⁸ Сайт «РАДА. Агентство деловых новостей». URL: http://www.radagroup.ru/education/SHkola_istochnik_stressa_i_unizheniya.html

78 Духовный стих «Сон Богородицы», переписанный мальчиком из тетрадки бабушки перед отправкой в училище из деревни. Листок был сложен и зашит бабушкой под подкладку пиджака внука. То, что листок оказался среди бабушкиных тетрадей, — кажется, драматический момент истории семьи. 1960-е годы. Фото И. Веселовой. Июль 2004 г. Деревня Харбово Вашкинского района Вологодской области

- ¹⁹ Корпус «Один речевой день» был создан и пополняется группой исследователей филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Анонимные информанты целый день ходят с включенным диктофоном, что позволяет фиксировать весь речевой поток носителя языка. Аудиозаписи и фонетические расшифровки составляют корпус.
- ²⁰ Информант закрыт под кодом И-19. Общее время записи «дня» этого информанта (матери) – 08:14:32.
- ²¹ Термином «риторическая энантиосемия» Е.В. Маркасова предлагает «обозначать случаи конфликтного совмещения в слове (словосочетании, предложении) разнонаправленных коммуникативных установок (контактоустанавливающей и деструктивно-агрессивной), при которых семантика рассматриваемой единицы (включая оценочную составляющую) не претерпевает никаких изменений». (Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневно-го общения «Один речевой день» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», М., 2008. Вып. 7 (14). С. 57–64).

назад прессовали две недели всем педсоветом, чтобы он признался в том, чего не делал (только что по почкам не били, но усиленно поощряли к этому одноклассников). И этому мальчику внутри еще было страшно тем ужасом бессилия и чудовищной несправедливости. И хотя разумом я прекрасно понимал, что это просто старые гримзы, которые ровно ничего не могут мне сделать, я сидел и молчал.

Изучая проявления речевой агрессии в спонтанной речи, лингвисты Е.В. Маркасова и Ю.А. Дзюрич провели анализ записи речи одного информанта из корпуса «Один речевой день»¹⁹. Максимум репертуарного разнообразия и мощности речевой агрессии, по их наблюдению, пришелся на время совместного приготовления уроков матерью и дочерью²⁰. Вот выдержки из анализа этого фрагмента.

И-19 использует обращения, традиционные для разговоров с близкими людьми (моя девочка, моя хорошая, зайныка), кроме того, она называет дочь по имени с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением в языке, как риторическая энантиосемия²¹. И-19 обращается к дочери, используя ласковые слова, но произносит их холодным, идущим вразрез с представлениями слушающего тоном. Эти обращения к девочке, произносимые нейтральным тоном, постоянно повторяются, как мантра, и сильно действуют на девочку.

79 Горбатенко М.Ф. Табель принесла. Без м. изд.: Советский художник. 1954

79

В общении с дочерью И-19 в нескольких случаях применяет тактику оскорбления, издевки, в которой используется так называемый прием «игры на понижение» адресата. И-19 называет текст, который учит дочь, «дурацким», слова — «дурацкими»; употребляет местоименные детерминанты (какой-то дурацкий текст). Высказывание это носит характер косвенного оскорбления учителя, что умаляет его авторитет в восприятии девочки. Это «уничтожение» положительной репутации учителя косвенно влияет на отношение ребенка к школе в целом: школа — место, где происходят только ничтожные, несущественные события, а кто в них участвует, тот сам глуп. Отметим, что ребенок оказывается вовлечен в кольцо противоречий: если в школе учат глупостям, то зачем там учиться? Если родители понимают, насколько бессмысленна учеба в школе, то зачем они требуют высоких результатов? Эти противоречия носят как аксиологический характер, так и когнитивный (искажают восприятие ребенком последовательности и причинно-следственных связей в мыслительных операциях).

Намеки на дурацкость школьного образования, обращенные к дочери, тоже являются одним из приемов «игры на понижение» адресата, относящейся к тактике оскорбления.

— Яровой ржи? А что такое яровая рожь? Боже мой, какая глупость! (громко, со стоном, с раздражением) Ну они что, издеваются?! Яровая рожь! Что такое яровая рожь?!

— Хватит ли десять тонн какой-то там ржи для посева на земельном

²² Дзюрич Ю.А. Дипломное сочинение «Поэтика агрессии: спонтанное и конвенциональное речевое поведение (на примере анекдотов про Вовочку и спонтанной речи) / Науч. рук. И.С. Веселова, Е.В. Маркасова, кафедра истории рус. лит. филол. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 69–78.

участке, который имеет форму квадрата со стороной восемьсот метров, если норма выше..., боже мой...

— Лизонька, спроси, пожалуйста, у Светланы Владимировны, как решать эту задачу, я даже не хочу думать об этом! Глупостью какой-то заниматься! Яровая и озимая!

— Хотя я устала, я пришла, я должна такой ерундой заниматься, этими гектарами глупыми (зло, раздраженно).

Обратим внимание на дикцию И-19. Она очень четкая. В этом искусственно четком проговаривании улавливается некое подражание высокому стилю, который так нелепо звучит в бытовом диалоге между мамой и дочкой. Создается впечатление, что И-19 всячески пытается соответствовать высокому культурному уровню. Думается, по определенным причинам, неизвестным нам, для И-19 это чрезвычайно важно — «соответствовать».

Кроме этого, в разговоре с дочкой И-19 нередко выбирает такие способы выражения своих мыслей, которые не совсем понятны маленькой девочке: (с *раздражением*) «Доча, понимаешь, тот, кто хочет сделать, он идет и делает, а тот, кто ищет оправдания, он нашел и успокоился».

Любая коммуникация предполагает некий сценарий, в котором роли между говорящими распределяются чаще на подсознательном уровне. Безусловно, это зависит от отношений между коммуникантами, от ситуации, которая в данный момент определяет их цели и намерения. Сейчас речь не идет о распределении социальных ролей.

В диалоге мы видим конфликтную ситуацию, явное манипулирование и подавление дочери со стороны И-19. По сути дела, весь стратегический замысел И-19 сводится к снятию стресса. Если бы действительно стояла цель сделать уроки с дочкой, вряд ли бы мать постоянно подчеркивала незначительность, ненужность этих заданий. То, что она не хочет этим заниматься, но ей приходится выполнять свой родительский долг, понятно и так²².

Я позволила себе длинную цитату, чтобы показать, что совместное приготовление уроков — сложившийся коммуникативный шаблон. И учителя, и родители, и дети соучаствуют в этом конвенциональном акте. Родительский долг велит проконтролировать факт приготовления уроков и качество приготовления. До тех пор пока родители и дети имели различный

80

80 Худ. Гольц Н. Изогиз, 1955 (?)

Пришли друзья из разных книг:
 Тут Буратино-озорник,
 Дюймовочка и Гаврик с Петей,
 Которых очень любят дети.
 Тут и Иванушка с Жар-птицей
 Сидит верхом на Горбунке.
 И все желают ученице
 Иметь пятерки в дневнике.

Найденова Н.

образовательный уровень, об укоренении в сознании такого рода процедуры речи не шло (люди старшего возраста, чье детство пришлось на послевоенное время, не помнят практики совместного приготовления уроков даже в начальной школе, за редкими исключениями). В настоящий момент делание уроков родителей с детьми — абсолютно нормальная практика, сложившаяся в результате действия нескольких социальных факторов и процессов.

Во-первых, в семье среднего класса второй половины XX века наблюдается асимметричная структура родительства, при которой матери предписано заниматься заботой о детях, и, следовательно, именно мать принимает

на себя обязанность контроля. Во-вторых, советское государство осуществляло тотальный патронаж материнства с беременности и до взросления ребенка через институты родовспоможения, детские поликлиники и другие социальные службы. Соответственно женщина-мать всегда находилась и находится под колпаком государственной опеки и контроля, что приводит к ее подчиненной роли: так осуществляется государственный контроль над контролирующим. В-третьих, советская идеология выпестовала особый конструкт «работающей матери», предполагающий исполнение материнских функций, в том числе и квалифицированный контроль за приготовлением уроков, который должен осуществляться ею после восьмичасового труда на основном месте.

В результате совмещения всех этих воздействий мать становится агентом школьной системы, ее медиатором в домашних условиях. Разрываясь между своими ипостасями, она становится агрессором для своего же ребенка, не защищая его, как ей предписано инстинктом, а разрушая.

Измерение родительской любви палочками для гимнастики, «кассами» букв и слогов, новыми партами или шторами и т. д., бессилие взрослого человека перед властными экзерсисами учителей и администрации школы, агрессия родителей в отношении своих детей как средство мотивации к усердному выполнению домашнего задания — элементы культурного императива современного школьного обучения. Исполнителями императива являются и родители, и учителя, и дети. Добровольность подчинения императиву манифестируется в ритуале Первого сентября. Родители провожают детей в школу, умиляются их взрослости, ведут фото- и видеосъемку, свидетельствуют о своей гордости как можно большему кругу лиц. Дети декламируют стихи об отказе от родительской опеки и собственной взрослости. Учителя и администрация учат школьников и родителей дисциплине и подчинению.

Алексей Левинсон, описывая процесс вовлечения женщин в профессиональную деятельность в СССР и создания «женских» профессий (врача и учителя как «естественных» продолжателей (экспонент) материнской функции), приходит к выводу о характере взаимодействия двух институтов — государства и власти: «Огосударствление личных внутрисемейных, и в этом смысле интимных, отношений было совершено в национальных масштабах, то есть поголовно, как это свойственно тоталитарному государству. Вместо ожидавшегося утопистами отмирания и государства, и семьи

82

произошло прорастание семьи в государство, а государства в семью»²³.

81 Худ. Куприянова Г. 1 сентября. М., 1984

82 Худ. Нарская Т. 1 сентября. М., 1981

КОСТЮМЫ, АТРИБУТЫ, ЖАНРОВЫЙ РЕПЕРТУАР

Первое сентября — редкий по строгости дресс-кода праздник. Мальчики приходят в школу в строгих костюмах или темных брюках с жилетами. Абсолютно обязательны белые рубашки, дополненные галстуком-бабочкой или обычным галстуком.

Девочкам в праздник предписаны юбка или сарафан (брюки табуированы, хотя обычно старшеклассницы предпочитают ходить в школу в брюках), жилет, пиджак. Часто костюмы (и мальчикам, и девочкам) шьются в специальных ателье или на фабриках как униформа

²³ Левинсон А. Наши М и наши Ж // Неприкосновенный запас. 2011.2 (076). С. 139.

школы или гимназии. Специальными девичьими аксессуарами уже многие десятилетия остаются белые колготки или гольфы и белые банты. Банты 1 сентября принимают гротескные формы — размер их частенько превосходит размер головы носительницы²⁴. «Самым привлекательным и выделяющимся элементом школьной формы был, пожалуй, бант. Банты традиционно были разнообразны: из шелка, шифона, атласа, капрона и других материалов и, по правилам, должны быть белыми, черными или коричневыми, но иногда их цвет отступал от дресс-кода. <...> Школьные банты были воплощением юности и первых романтических чувств. Бант всегда вызывал интерес мальчиков в начальной школе: они или дергали девочек за косы и развязывали их банты, или тихо восхищались этими красивыми воздушными украшениями девичьих волос и смутно ощущали их привлекательность»²⁵.

Современная школьная форма, несомненно, ориентирована на дресс-код офисов и контор. Отличительная его черта — нарядность и строгость. От школьных форм прошлых поколений современная отличается явной бюрократизированностью. Это не военная (кители, гимнастерки, фуражки мужской формы от гимназической до послевоенной школьной), не рабочая (фартуки и манжеты женской вплоть до конца советской эпохи или халаты 1930-х), не спортивная (синие куртки и брюки из «антивандальной» ткани для мальчиков 70-х годов XX века) униформа. Современная школьная форма — уменьшенная модель взрослой одежды людей, занимающихся офисной деятельностью. Специфическими по сравнению с офисной одеждой деталями являются девичьи чулочно-носочные изделия и головной

²⁴ Об истории школьной формы см.: *Леонтьева С.* Советская школьная форма: канон и повседневность // Теория моды (Одежда. Тело. Культура). 2008. № 9. С. 47–79; *Руднова Л., Балина М.* Размышления о школьной форме (по материалам произведений детской и автобиографической литературы) // Теория моды (Одежда. Тело. Культура). 2011. № 9. С. 25–42.

²⁵ *Руднова Л., Балина М.* Размышления о школьной форме... С. 62.

83

убор — не даром именно они и остаются знаками детства и невинности.

Обязательным атрибутом праздника 1 сентября является школьный звонок. Вообще звонок — это лишь электрический или электронный звуковой сигнал, запрограммированный под школьное расписание. Но 1 сентября звонок материализуется в архаизированный медный колокол с ручкой, украшенной красным бантом (сохранение архаических форм — один из признаков ритуалов). Именно им дети сами дают сигнал к началу обучения, демонстрируя добровольность подчинения дисциплине и расписанию.

Не менее обязательным атрибутом и иконическим знаком праздника является букет цветов. Рассматривая открытки разных лет, посвященные

83 Худ. Куприянова Г. 1 сентября.
М., 1976

1 сентября, можно заметить тенденцию к экзотизации современных букетов. Профессиональная упаковка современных школьных букетов заменяет идею цветов из собственного сада, характерную для школьных букетов советских времен, и маркирует «статусные» букеты, предназначенные школьным чиновникам: директору и завучам школы. Традиция дарения цветов учителям имеет недолгую историю: в 50—60-е годы XX века она только-только зарождалась. Кроме того, дарение цветов учителям абсолютно неизвестно в большинстве стран с богатой школьной историей. Откуда возникла эта изобретенная советская традиция — вопрос, требующий отдельного исследования. Но метафора «дети — цветы жизни» (одна из самых распространенных в советском дискурсе) делает вручение школьником цветов учителю актом вручения себя²⁶.

Словесный код ритуала 1 сентября богат широким жанровым репертуаром плакатов, стихотворных декламаций, торжественных речей, клятв и песен. Так, один из настрадавшихся родителей подсчитал, что песня «Учат в школе»²⁷, своеобразный гимн праздника, прозвучала 1 сентября 2011 года семь раз.

Похоже, праздник 1 сентября обладает всеми чертами переходного обряда. Пациенты ритуала — первоклассники. Посредством декламации стихотворений, предписанных сценарием, в которых к ним так обращаются, они меняют имя, а следовательно, и статус. Первоклассникам предписан отказ от родительской опеки. Родители источают беспокойство и старательность в исполнении новых правил, с ними тоже происходят социальные и эмоциональные изменения, правда, никак не оформляемые ритуальным тек-

²⁶ Лотман Ю.М. «“Договор” и “вручение себя” как архетипические модели культуры» // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 345–355.

²⁷ «Чему учат в школе» (Музыкальная сказка «Дважды два — четыре»). Слова М. Пляцковского. Музыка В. Шаинского.

стом. Новый костюм детей выдает сценарные ориентиры школьного обучения: нарядность, аккуратность клерка и отчетливость гендерных ролей (строгость костюма мальчиков и инфантильность девичьих гольфиков, легкомыслие белых бантов). Первый звонок как акустический сигнал начала жизни по расписанию, порядка, дисциплины (ср.: гудки транспорта, звонки театральных представлений, заводские гудки) в праздничном регистре представлен старинным колокольчиком. Право звонить в колокол в праздничной обстановке делегируется самой маленькой и очаровательной первокласснице, несомой самым мужественным одиннадцатиклассником. Соответствие стандартам возраста поощряется правом дать сигнал к началу своей же учебы²⁸. Первоклассники оказываются взрослыми по сравнению с самими собой вчерашними и — меньше маленького в новой для них школьной иерархии. Формы «не-своей» ритуальной речи типа клятвы от 1-го лица множественного числа дают опыт говорения, за который не несет персональной ответственности. И самое главное — знание и учеба не обладают никакими отчетливыми чертами. Они никак не представлены на этом празднике, не они, похоже, являются ценностью.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Праздник последнего звонка отмечается каждый год 25 мая выпускниками 11-го класса. Дресскод праздника калькирует костюм 1 сентября. В последнее время девочки не просто надевают нарядный вариант школьной формы (определяемый формулой «белый верх, черный низ»), а специально для праздника покупают советские

²⁸ Ср. с выбором Снегурочки в школьных и детсадовских карнавалах. Если в постсоветское время выборы Снегурочки были отменены, то выборы звонящей в колокольчик девочки остались актуальной ритуальной практикой.

школьные платья и белые фартуки. Также копируются белые гольфы и банты начальной школы. В этот день выпускника можно узнать по псевдоорденской ленте через плечо с надписью «Выпускник-/год выпуска/». Ориентация на костюм младшей школы выдает тему ностальгии по началу, истокам школьности.

Заглавным атрибутом ритуала становится Последний звонок: все тот же медный ручной колокольчик дает сигнал окончания уроков/школьной жизни.

Тема завершения учебы и овладения корпусом знаний вытеснена из ритуала темой проводов выпускников из школы, которая стала за годы учебы родной. Родство со школой — доминанта стихотворного сопровождения праздника

²⁹ Николаева Е. Выпускникам. Сайт «Методическая копилка учителя, воспитателя, родителя». Коллекция «Напутствия учителям выпускникам». URL: http://zanimatika.narod.ru/Narabotki15_1_5.html

³⁰ Беличенко Т. Форум «Педсовета». Там же.

³¹ «Грамота, благодарственное письмо, диплом, похвальный лист, сертификат, свидетельство — это неотъемлемые атрибуты торжественных церемоний. Кроме того, наградные документы — важные детали фирменного стиля. Эти носители фирменной символики размещают в качестве украшений в офисах и домашних кабинетах. Следовательно, к дизайну и качеству подобной продукции следует относиться с особым вниманием». URL: <http://politech.ru/content/gramota-blagodarstvennoe-pismo-pokhvalnyi-list>

Еще недавно, прячась за букеты,
Входили вы с волнением в первый класс.

И вот уже напутственным советом
Родная школа провожает вас²⁹.

Дети, родные, желаю удачу поймать.
Верить в себя,

но и школьных друзей не терять.

Помните, что я всегда
вас с надеждою жду.

Трудно вам будет — звоните,
на помощь приду³⁰.

Апофеоз школьной жизни приходится на награждение выпускников. Вручение школьных золотых и серебряных медалей, грамот, благодарностей и похвальных листов демонстрирует сложившуюся за годы обучения иерархию

84

социального успеха. Школа как государственный институт награждает бенефициариев грамотами³¹. В этот момент педколлектив публично и символически поощряет компетенции современных «легистов». Финальный ритуал обучения фиксирует сложившиеся отношения подчинения и патронажа.

Последний звонок в своих речевых жанрах, действиях, атрибутах как ритуал оформляет отпуск выпускников из хронотопа школы, но не из власти государства. Государственные смыслы, созданные школой, создают своего рода этос школы.

84 Пермилловская восьмилетняя школа. 1–3 классы. 1983 г. Холмогорский район Архангельской обл. Из деревенского семейного архива. Переснято И. Веселовой. 2007 г. Деревня Кимжа Мезенского района Архангельской области

Одно из качеств школьного этоса, усваиваемого всеми выпускниками, — предначертанность пути. Эта семантика реализуется в мотиве жизни как школьного учебника: собственная жизнь дана школьнику/выпускнику как школьный задачник, составленный для тебя, но не тобой.

Да, повесть о детстве подходит
к развязке,
Дописаны главы, досмотрены сны.
Уже не надеясь на чьи-то подсказки,
Вы сами решать все задачи
должны³².

Другой мотив, реализующий идею предначертанности, — это мотив пути и открытых дверей. Освобождение в конце школьного обучения оборачивается составленным маршрутом дальнейшего перемещения клиента. Двери перед выпускником кто-то открывает, направление задано, пределы обозначены.

³² Агеева И.Д. Выпускникам.
Сайт «Методическая копилка
учителя, воспитателя, родителя».
Коллекция «Напутствия
учителей выпускникам». URL:
[http://zanimatika.narod.ru/
Narabotki15_1_5.html](http://zanimatika.narod.ru/Narabotki15_1_5.html)

³³ Запяткин Е. Выпускникам.
Там же.

³⁴ Абрамин А. Выпускникам.
Там же.

³⁵ Нордстрем К., Риддерстрале Й.
Бизнес в стиле фанк. Капитал
пляшет под дудку таланта. СПб,
2001. С. 51.

Учебным будням время бьет
отбой —
В неведомый простор
открыта дверца.
А ты в далекий путь возьми с собой
Частицу от учительского сердца³³.

Перед тобой открыты все пути:
Восток и запад, север, юг, столица...
Но если хочешь далеко пойти,
То вовремя сумей остановиться³⁴.

Сравним постулируемую праздником последнего звонка жизненную программу с нормой

85

модерности, постулируемой так называемым творческим классом. «Миром правит многообразие. Вопросы, а не ответы определяют будущее. И на пути в будущее не надейтесь на помощь ваших технологий, потому что, как однажды сказал Пабло Пикассо, “компьютеры бесполезны. Все, что они могут нам дать, — это ответы на наши вопросы”. Поэтому, если вы способны задавать нужные вопросы, вопросы уникальные, и способны задавать их быстрее, чем другие, успех вам гарантирован»³⁵. Школьная установка на решение задач далека от установки на проблематизацию и создание собственного мира.

Как известно, десять самых востребованных на рынке труда профессий в каждый отдельно

85 Учительница со школьниками. 1970-е годы. Из коллекции музея «Дом деда Мартына». Переснято И. Веселовой. 2007 г. Деревня Селище Лешуконского района Архангельской области

86

86 Худ. Кигаев А.И. Выпускницы.
Без м. изд: Советский художник,
1954

взятый момент еще не существовали пять лет назад, то есть когда выпускник школы выбирает университет, он не имеет на руках перечня возможных профессий, его еще просто нет. Имеет ли смысл решать задачи, ответы на которые давно никого не интересуют?

Итогом школьного обучения становится инкорпорация ценностей государства в сознание его граждан. Прежде всего такой ценностью становится квазиродство со школой, не с соучениками, а именно со школой и учителями. Учительница вживается в роль «мамы». Власть же кровных родственников к моменту выпу-

ска уже должна быть окончательно подорвана их страхом и подчинением школьной/государственной системе. «Ребенок за годы обучения в школе должен получить огромный опыт подчинения, также он должен приобрести маленький опыт власти»³⁶. Опыт подчинения и власти, отношений клиента и патрона, взыскания оценки со стороны старшего становится основой социального делания в нашем обществе.

Прекратить быть мужчиной, женой или монахом в традиционном обществе нельзя, невозможно исполнить программу статуса и выйти из него без кризисных переживаний в результате праздника-ритуала. Значит, Последний звонок и выпускной не являются переходными обрядами. Они не отрицают предыдущего статуса и не создают «нового человека». Смысл школьных ритуалов — подтвердить лиминальное состояние клиента государства, взыскующего оценки, и вечного ученика, главный выбор которого состоит в том, чему учиться, а не как жить. Школьные ритуалы не оформляют переход, они лишь маркируют клиентелизм и создают «портики награждения» в бесконечной анфиладе успеха.

³⁶ Поддубный И. Начало школьного пути. Сайт «1 сентября». URL: http://1sentyabrya.ru/start/Preparation/2011/03/18/Preparation_17154.html